

Часть первая

АДАМОВО ЯБЛОКО

Глава 1

Младший сын всегда чужак

Делами деревообрабатывающей торгово-промышленной компании «Готлиб и сыновья» заправлял старший Ицхак, чья фамилия стояла в списке попечительского комитета клайпедской еврейской общины. Скромный лавочник в прошлом, он давно превратился в солидного дельца, но суеверно избегал любых проявлений тщеславия, зная как трудно сберечь богатство, нажитое трудом — честным трудом, пусть и не без некоторого авантюризма. Впрочем, казалось, деньги сами стаями слетались к нему, словно птицы на жердочку дрессировщика, таким естественным свойством приручать их он обладал. Гибкий практичный ум усиливала врожденная интуиция, коммерческие прогнозы сбывались с невероятной точностью. Фирма без особого напряжения пережила худшие годы глобального кризиса, когда предприятия конкурентов лопались одно за другим. Хозяйство не понесло крупных убытков даже при изоляции Немана¹, хотя прервался завоз дешевой русской древесины, самой ходовой в досочном производстве. Едва правительство Сметоны² открыло

¹ С 1923 по 1926 гг. международный транзит товаров по Неману был недоступен из-за польско-литовского территориального конфликта.

² Сметона Антанас (1874—1944) — государственный и политический деятель, один из идеологов литовского национализма. Президент Литовской Республики (1919—1920, 1926—1940).

речные границы, глава семейства одним из первых возобновил сделки по закупкам леса с советской стороны и экспорту пиломатериалов на запад. Теперь торговые филиалы компании действовали в Кенигсберге и Шауляе, протоварный магазин в Мемеле давал недурственный доход... То есть в Клайпеде.

В новых картах Германии название утерянного рода¹ не поменялось. Это могло означать одно: рейх открыто заявил о намерении вернуть «исконные» земли. Воинственный тевтонский дух все чаще поднимал голову и здесь, в столице Малой Литвы², где в коренном населении преобладали немцы и прусские литовцы-лютеране. Они по-прежнему считали свою родину предместьем фатерлянда и время от времени бросали вызов диктаторскому, несмотря на вольный статус края, режиму Каунаса³.

Зыбкость версальского мира подтверждали волны беженцев, перекатывавшиеся через Клайпеду одни на запад, другие на восток, но старый Ицхак убедил себя, что и в этот раз беды не случится. В конце концов, морской перекресток военно-торговых путей никогда не мог похвалиться безмятежностью, а дом Готлибов как стоял с начала прошлого века, так и стоит.

Авантажный особняк — образец архаичной каркасной архитектуры — возвел прадед в квартале Смелте после указа, уравнившего прусских евреев в правах с остальными гражданами королевства. Да не просто возвел — похуже, и заговорил. Иначе как объяснить,

¹ Согласно статьям 28 и 99 Версальского мирного договора, подписанного 28 июня 1919 года, основанный на прусском севере Мемельланд (Мемельский край, позже — Клайпедский) был отторгнут от Германии и отдан под управление стран Антанты. После захвата края Литвой в 1923 году Совет послов Антанты препоручил его республике на правах автономии.

² Малая Литва — Прусская Литва. Включала в себя Клайпедский край и Кенигсбергскую область (до 1945 г.).

³ Каунас был временной столицей Литвы с 1919 по 1939 г., пока Вильнюс находился под оккупацией Польши.

что дом не тронули ни войны, ни эпидемия холеры, ни спаливший полгорода пожар? А ведь дотла сгорели целые фахверковые улицы! С тех пор магистрат запретил строительство жилых зданий в таком стиле, поэтому приросший к особняку флигель не повторил «плетеной» красоты.

С кованых ажурных балконов ниспадали, мягко колышась на ветру, пышные юбки дикого винограда. Зеленый подол украшала бело-розовая кайма многолетних цветов. На просторных задворках с воротами, развернутыми в боковой переулок, жили вечно хлопотливой жизнью смежного государства кухонная подсобка, котельная, прачечная, мастерская и гараж. Службы отгораживал от дома яблоневый сад с нарядной беседкой, где любили играть сначала дети, а нынче — внуки.

Старый Ицхак был счастлив детьми. Трое старших сыновей, получив приличное образование, обзавелись семьями и трудились на благо фамильного дела. Из Лейпцига вернулся с университетским дипломом младший, любимец отца Хаим. Единственная дочь Сара, последыш почтенных родителей, посещала прогрессивную светскую школу.

Хозяин, будучи человеком набожным, все же не вступал в противоречия с передовыми велениями времени, но его жена придерживалась более суровых взглядов. Родом из ортодоксальной семьи, Генедел Рахиль Готлиб, или матушка Гене, как звали ее домохозяйка, строго следила за порядком и соблюдением основных обрядов и заповедей Торы. Прислуга после трудов с трепетом ожидала оценки госпожи, а невестки были обязаны еженедельно отчитываться перед свекровью во внутриклановых радостях и проступках. Под ее прицельным взглядом чувствовали себя виноватыми и те, кто не заметил огрехов. В этом обособленном мире, где хозяйка была одновременно светочем и тираном, царили безукоризненная чистота, открытость и щепетильность во всем.

Матушка Гене с полным правом гордилась послушанием и способностями сыновей. Но получилось так,

что младший нарушил патриархальные обычаи дома. Переломным событием к неожиданному заявлению Хаима стало исполнение сольной партии в студенческом хоре на краевом Празднике песни. Жюри конкурса провозгласило коллектив лучшим, и в тот же вечер молодой человек высказал на семейном ужине желание соединить свое будущее с артистической карьерой.

Матушка была вынуждена признаться себе, что младший сын всегда отличался от братьев ветреным нравом. К его рождению старей Ицхак накопил основную часть капитала и стал больше времени уделять семье, но старшие мальчики успели вырасти, и вся его нерастраченная родительская энергия обрушилась на Хаима. Благодаря эстетическим пристрастиям отца, страстного меломана в молодости, сын был возвращен на немецкой исполнительской культуре и окончил музыкальную школу. Из всех детей именно он унаследовал приятный отцовский голос, лирический баритон с шелковистой теноровой ноткой, приводивший в восхищение многих. Матушка Гене втайне удивлялась: по ее убеждению, такой голос хорош был для кабака, где людям все равно — баритон, тенор или серединка на половинку, а никак не для театральной сцены.

Горестные размышления уверили женщину, что в легкомыслии сына виновато, кроме попустительства мужа, неофициальное «просвещение», полученное Хаимом в Лейпциге на вредных студенческих собраниях, где хитроумные ораторы, нанятые реакционными партиями, забивали головы молодым искаженными понятиями о жизни и устройстве мира. Матушка Гене прекрасно знала, кто виновен в международном политическом разброде и спаде экономики. Это социалисты всех мастей руководили забастовками рабочих и разоряли хуторян. А потом, распродав земли и скот, крестьяне сидели на баулах по всей Литве, ждали на вокзалах вербовщиков на плантации Южной Америки... Вот почему стали случаться перебои с мясом и молочными продуктами в кошерных магазинах! Но страшнее всего было то, что повсюду в моду вошел

культ порочной богемы и, как следствие, падение устоев семьи и безбожие!..

Геневдел Рахиль старалась не показывать тревоги на людях, но наедине с собой, чувствуя себя парализованной угрозой хаоса, внесенной сыном в трудно созданное ею домашнее равновесие, билась и плакала. Хаим! Хаим совсем отбился от рук! Того и гляди перестанет молиться, начнет брить виски и поедать трейфу!¹

— Ах, Ицек, выходит, не зря даже в сказках говорится, что младшие сыновья всегда чудаки, если не сказать хуже! Неужели мы столько лет учили сына для того, чтобы он пел оперетки? — кинулась женщина к мужу за сочувствием и утешением.

— У Хаима красивый голос, — не очень твердо возразил супруг.

— О да, как не поверить восторгам толпы! — съязвила матушка, мгновенно переходя от отчаяния к гневу.

— Жюри конкурса было профессиональным.

— За свои деньги ты мог бы солировать с тем же успехом!

В организацию праздника была вложена некоторая толика пожертвований от компании Готлибов.

— Мы поддержали организаторов и в прошлый раз. Не мог же я отказать просьбам только потому, что в нынешнем конкурсе участвовал мой сын, — рассердился старый Ицхак. — И вспомни, что не Хаим, а хор заслужил признание.

— А ты вспомни себя, Ицек, вспомни себя! Ты ведь почему-то послушал родителей, не пошел в вокалисты! И разве не преуспел? Или мало работаешь вместе с мальчиками, мало всем помогаешь и не пользуешься уважением? Что по сравнению с этим так называемое «призвание» Хаима? Может, он не сумеет заработать себе и на кусок хлеба! А сплетни, Ицек? Сплетни тебя не волнуют? Знакомые непременно осудят нашего сына, а заодно и нас за то, что мы потакаем его капризам! Люди просто будут смеяться над нами! Ох, и рас-

¹ Некошерная пицца.

прекрасное же, скажут, занятие для мальчика из приличного дома! Окончил экономический факультет, чтобы распевать песенки в концертах!

— Ну что ты заладила — «песенки», «оперетки», — урезонивал старый Ицхак, пытаясь привести какие-то доводы в защиту сына, но уговоры только распалили матушку Гене. Она бегала по комнате, заламывая руки, и свистящим от ярости шепотом призывала мужа образумить «глупого мальчишку».

— Искусство только называется изящным, а на самом деле коварно, богомерзко, безнравственно! Лицедейство ведет к пороку и пьянству! Я не удивлюсь, если из-за твоего потворства Хаим станет социалистом и отречется от нас!

Матушка роняла горькие слова, подсказанные страхом сердца, которые обычно придерживала в себе. Ей уже начинало казаться, что сын пал на дно жизни, где нет места порядочным людям.

— Гене, ты преувеличиваешь, — с раздражением прервал старый Ицхак. — В консерватории его научат петь для избранной публики.

— Где-е?!

— Да, прости, я забыл сказать: он мечтает поступить в Каунасскую консерваторию...

— Таланту нигде не учат! — отрезала взбешенная матушка, не заметив в запале, что дверь приоткрыта и в щели поблескивают круглые от любопытства глаза дочери.

Избалованная общим вниманием и любовью, двенадцатилетняя Сара благочестием не отличалась. Без всяких укоров совести подслушав ссору, девочка тотчас побежала искать Хаима. Она любила его больше, чем старших братьев, за веселый нрав и готовность к проказам. В юном своем эгоизме Сара старалась припомнить родительский разговор слово за словом, не замечая в них опасности. Ее больше занимало, как смешно матушка Гене таращилась и вертела руками.

Брат лежал на скамейке в беседке с томом Келлермана¹ в правой руке и бутербродом в левой. Незаметно подкравшись с наружной стороны, Сара просунула ладонь в решетку беседки и собралась было выдернуть бутерброд, но Хаим оказался проворнее и ухватил шалунью за высунувшийся кончик косы:

— Караул! Держи вора!

— Смотри, книгу маслом измажешь, — засмеялась Сара и заговорщицки прищурилась, входя в беседку. — Ни за что не угадаешь, что я сейчас слышала!

Хаим сел, сложив по-турецки ноги, и грозно уставился на сестрицу:

— Рассказывай, о лунолика, иначе верные мои визири отрубят твой любопытный нос и твои длинные уши!

Актерский этюд Сары был не лишен забавного сходства с характерными манерами родителей, но ожидания девочки не оправдались. Зритель не восхитился по обыкновению, и благодарных аплодисментов она не дождалась. Сконфуженная, она вдруг поняла, что слова матери, а особенно вынесенный ею вердикт тяжело задела брата.

Сара попробовала исправить свое неделикатное вторжение в ту область, к которой он, оказывается, относился слишком серьезно.

— Хаим, ну, Хаим, — потянула она его за рукав и капризно надула губы. — Не обижайся! Матушка Гене просто не хочет, чтобы ты поступил в консерваторию, поэтому так злится. Никто же не сомневается в твоём таланте! На празднике ты пел лучше всех, люди только о тебе говорили...

— Кто, например? — насторожился он.

— Один незнакомый человек, на вид учитель, — не моргнув глазом соврала Сара, в ужасе соображая, как

¹ Бернгард Келлерман (1879–1951) — немецкий писатель, автор романов, призывающих к демократическому преобразованию.

далеко зашла. — Или музыкант... Да-да, скорее всего, музыкант!

— Что он сказал?

— Ну-у... Я не очень хорошо помню... Кажется, о том, что тебе с таким замечательным голосом пора записаться в оперную студию.

— В какую еще оперную?

— Частную. Ее открыли при драмтеатре.

Сара перевела дух и похвалила себя за привычку читать случайные объявления. Под репертуарной афишкой ей вчера очень кстати встретилась информация о наборе студийцев с начальной музыкальной подготовкой.

Откинувшись на спинку скамьи, Хаим задумчиво посвистел, и черные, блестящие, как у сестры, глаза его оживились. Сара с облегчением убедилась, что настроение брата улучшилось.

— М-да, проказница ты этакая. Хочешь мне помочь?

— Конечно!

— Скажи матушке, будто я туда уже записался.

— А ты запишешься?

— Обязательно.

Неугомонная Сара тут же представила, что из этого может получиться. Заранее веря в триумф Хаима, в восторге от собственной хитрости и счастливого разрешения щекотливой ситуации, она зачестила:

— И ты станешь репетировать с другими певцами? А оркестр там есть? А если нет, то как без оркестра? Что вы поставите?

— Пока не знаю, — буркнул он.

— «Тристана и Изольду»! — запрыгала девочка, хлопая в ладоши. — Пожалуйста, пожалуйста, ладно?!

Несколько лет назад они в Лейпциге вместе слушали эту оперу в постановке дрезденской гастрольной труппы.

— Когда-нибудь потом, — уклонился он и вспомнил, как глубоко переживала впечатлительная сестренка рассказанную в музыке трагедию любви и смерти.

Сара зажмурилась, в избытке чувств прижав руки к груди:

— О, я вижу тебя в роли Тристана, Хаим! В длинной накидке, с мечом в руке, ты такой красивый! Хаим, ты непременно попадешь в лучший состав!

— Тристан — это тенор, Сара, а моему баритону больше подойдет Курвенал.

— Оруженосец? — фыркнула девочка. — Но ты же сам говорил, что будешь универсальным певцом!

— Ну, может, буду...

Хаим смущенно хмыкнул. Ему, оскорбленному неверием матери в его певческий дар, тоже очень хотелось так думать.

Как было обещано, Сара торжественно передала родителям радостную новость и, несмотря на то что сообщение опережало действительность, дала волю разыгравшемуся воображению. Руководители студии, по ее словам, вроде бы сочли брата восходящей оперной звездой. «Вроде бы» не позволяло в случае чего уличить ее во вранье: вроде бы — да, вроде бы — нет...

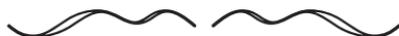
Маленькая лгунья рассчитала верно: матушка отнеслась к лукавому слову без внимания — ее огорошил очередной успех сына. Строптивость Хаима оказалась сильнее домашней оппозиции и вызвала невольное уважение.

Матушка Гене сдалась. «Ицек, пожалуй, прав, — сломленно вздыхая, размышляла она теперь. — Нет ничего зазорного в творческой профессии. Все зависит от человека, а опера — самый благородный вид из всех сомнительных видов искусств... Если у мальчика дар, нельзя наступать на горло песне».

Сын отправился в Каунасскую консерваторию на подготовительные экзаменационные курсы.

Глава 2

Королева Мария

В Каунасе Хаим проиграл матушке. Проиграл тем бесславнее, что так слепо и самовлюбленно сопротивлялся очевидной правде. Истина открылась перед ним со всей беспощадностью, когда он услышал подлинно талантливое пение одного из поступающих. Чувствуя себя нелепым экспонатом на выставке удачи, Хаим не стал дожидаться экзаменов. Насмешливая Мельпомена показала язык, и полные сладкого самообмана мечты облетели, как осенние листья в бурю. Подавленный, будто в легком рюкзаке за его плечами лежали не пара белья и книги, а тяжкое бремя чужого успеха, отвергнутый искусством, он плелся домой от вокзала.

Возле кинотеатра Хаим задержался у рекламной тумбы с афишей фильма «Королева Кристина». Прекрасная Грета Гарбо возложила руки в кожаных перчатках с широкими раструбами на что-то вроде корабельного шкива. Ветер взвил кверху пряди коротких, стриженных под отрока волос, синие глаза отважно смотрели вдаль. Не зная о том, что этот юнга — женщина, можно было принять ее за мальчишку.

Подростком Хаим хранил в ящике своего письменного стола открытку с фотографией актрисы. В театральном наряде, с аппликациями из лама и россыпью хрустальных зерен на лифе, она казалась эталоном царственной женственности. Позже открытка исчезла, и Хаим забыл о ней. А теперь вдруг живо вспомнились томность сумеречного взгляда, четкий контур узкого

рта и безупречная, как выступающая из тени амфора, линия шеи. Такой же на вид холодноватой и все же бесконечно женственной, вопреки грубым страстям жестокоего века, когда-то грезилась ему ирландская принцесса Изольда.

Хаим еще в Лейпциге видел ленты с Гарбо: «Дикие орхидеи», «Любовь», «Мата Хари» и дважды — «Гранд-отель». Читал в немецких газетах о «загадочном сфинксе», как называли эту голливудскую диву. Ее скрытая от публики жизнь интриговала прессу, а красота сводила с ума многочисленных обожателей.

Он не причислял себя к числу поклонников прелестной шведки. В фильмах она выглядела гибкой и нежной, но Хаим сообразил, что изящная хрупкость актрисы, скорее, создана мастерством оператора, а в жизни Грета просто худощавая и к тому же высокая. Хаиму, ростом чуть выше мужского среднего, крупные женщины не нравились. Сам не взялся бы объяснить себе, почему она его так тревожит.

Двери кинотеатра медленно заглывали хвост нарядной очереди. В предзакатных лучах лоснились обтянутые шелком дамские плечи, рдели подкрашенные улыбки, колыхался на легком ветру обесцвеченный перманент... А чуть в стороне у витрины, разглядывая фотографии за стеклом, одиноко стояла странная девушка. То есть она не выглядела бы странной где-нибудь в гимназии или университете. Но здесь, на фоне расфранченной толпы, одетая в серое ученическое платье, она напоминала воробышка, залетевшего в стаю райских птиц. Единственным украшением незнакомки был рыжий пожар, перехваченный лентой и растрепавшийся ниже лопаток. Ее волосы.

Молодой человек ощутил нечто похожее на дежавю. Он мог бы поклясться, что знал эту девушку раньше, и в то же время был уверен: ему никогда не приходилось ее видеть. Захотелось заглянуть ей в лицо. Изобразив скучающего прохожего, он подошел и тоже прильнул к витрине с фотокадрами из обещанной анонсом «роскошной исторической драмы», снятой

пять лет назад. Скользнул рассеянным взглядом по Гарбо, восходящей к трону, Гарбо с Джоном Гилбертом, Гарбо на капитанском мостике...

Но Гарбо не волновала Хаима. Приводила в смятение та, что стояла рядом. От близости девушки его сковала оторопь. Ошеломленный силой притяжения, вспыхнувшей в нем внезапно и по-мужски остро, он не смел повернуть голову. Казалось, тело только что произошло и звонко, упруго возносится вверх, вслед за колотящимся у горла сердцем. Руки изнемогали от желания повторить изгиб девичьей спины, ладони стремились к встречному движению, живому теплу...

Она что-то почувствовала, отстранилась. Он не успел поймать отражение ее лица в вечернем стекле.

Сейчас уйдет! Как задержать? Представиться или без всяких вступлений обратиться с вопросом? О фильме, например? Щеки тотчас опалило жаром, виски взмокли... в какой из карманов он сунул чертов платок?!

— Извините, вы «Крестину» смотрите...

Она обернулась, — в повороте головы чувствовалась досада. Хаим едва подавил изумленный возглас и замер. Это была Грета Гарбо!

...И не она.

Словно небесный ваятель вылепил лица знаменитой актрисы и неизвестной девушки с одной кальки, но черты второй смягчил, окрасил кожу нежно, с переходами еле заметных, почти перламутровых полутонов, пощадив от веснушек, которыми обычно помечены рыжие. Безусловного сходства все же не было, только морские глаза с сумеречной синевой в глубине художник не стал менять.

Наверное, девушка сравнивала себя с фотографией Греты, поэтому изучала их так внимательно.

— Нет, — сказала она.

Читает мысли? Готовый поверить в любые мистические верования, он не сразу понял, что знакомая незнакомка ответила на его скомканный вопрос. Голос ее ничуть не напоминал вкрадчивое контральто Гарбо. Голос был, скорее, детским.